

⁴ Там же.— С. 91.

⁵ Там же.— С. 94.

⁶ Там же.— С. 96.

⁷ Там же.— С. 100—101.

⁸ Обломский А. М. Верхнеднепровский ва-

риант зарубинецкой культуры: Автореф. дис. канд. ист. наук.— М., 1983.— С. 12.

⁹ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.— 1973.— № 1.— С. 114—136.

В. Д. Баран

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ I тыс. н. э.**

На рубеже и в первой четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы существовало несколько вполне сложившихся этнокультурных образований: зарубинецкая культура в Среднем и Верхнем Поднепровье и Полесье, пшеворская и липецкая на Верхнем Днестре, позднелатенская — в Закарпатье, поенешти-лукашевская — в междуречье Прута и Днестра, скифо-сарматская — в Северном Причерноморье и в степной части Украины.

Скифо-сарматские древности первых веков нашей эры образовались в результате завоевания сарматами скифских степей Северного Причерноморья. И степные скифы и сарматы, по свидетельству лингвистов, ираноязычное население. В подоснове позднелатенской культуры Закарпатья, поенешти-лукашевской и липецкой культур лежат кельтские, фракийские и бастарнские древности Подунавья. Пшеворские памятники из-за Вислы распространяются на Западный Буг и Верхнее Поднепровье в позднелатенский период уже в готовом виде. В упомянутом регионе пшеворская культура существовала с рубежа III—II в. до н. э. до V в. н. э. Там и происходили основные процессы ее развития.

Наибольший интерес для нас представляет зарубинецкая культура, сложившаяся на рубеже III—II вв. до н. э. на территории Среднего и Верхнего Поднепровья, а также Припятского Полесья. В предшествующее время ее территория в Поднепровье была занята культурами скифов-пахарей и подгорцевско-милоградской, а на Волыни — поморско-подклевшовой. Последняя как один из компонентов лежит в подоснове

и пшеворской культуры Повисленья.

Сравнительное изучение зарубинецкой культуры и более ранних древностей показало наличие в ней компонентов предшествующих культур — поморско-подклевшовой (особенно на памятниках волынской группы), элементов скифской лесостепной и подгорцевско-милоградской культур, которые преобладают в среднеднепровской и верхнеднепровской группах [Максимов, 1972, с. 117]. Общие черты наблюдаются в жилищном строительстве. Так, подквадратные полуземлянки со срубными стенами и очагом волыно-полесской группы зарубинецких поселений близки к жилищам поморско-подклевшовой культуры Припятского Полесья. Такой же формы или прямоугольные углубленные жилища были характерны для среднеднепровской группы зарубинецких поселений. Однако они имеют плетневые обмазанные глиной стены, что было характерной чертой жилищ предшествующего времени, известных по раскопкам лесостепных скифских городищ. На Верхнем Днестре зарубинецкие углубленные постройки близки к жилищам милоградской культуры. Одновременно все указанные черты в том или ином сочетании можно найти в каждой из локальных групп зарубинецких древностей, так как последние представляют уже иной, новый этап в домостроительстве поселений Верхнего Поднепровья и Волыни, лишь сохраняющий местные традиции.

Погребальный обряд населения зарубинецкой культуры, выраженный в ямных и урновых трупосожжениях, значительно больше связан с традиция-

ми поморско-подклешовой и милоградской культуры, чем лесостепных скифских древностей. Для могильников позднескифского времени характерны как бескурганные, так и курганные погребения с труположениями, не имеющие продолжения в зарубинецкой обрядности. На них встречены лишь единичные ямные погребения с трупосожжениями, представляющие собой некоторые аналогии зарубинецким (Петренко, 1961, с. 86—96; Максимов, 1972, с. 121). Е. В. Максимов и С. П. Пачкова отмечают, что по ряду деталей зарубинецкие погребения отличаются от трупосожжений милоградской и поморской культур [Максимов, 1972, с. 122]. Зарубинецкий погребальный обряд нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры, однако остается неоспоримым фактом то обстоятельство, что он в основном продолжает традиции, сложившиеся в средней и в северо-западной части Восточной Европы. Вполне допустимо, что наличие трупосожжений в лесостепных скифских культурах, где они составляют около 5 % всех погребений [Петренко, 1967, с. 58], также связано с северо-западными влияниями.

Зарубинецкая керамика по технике обработки поверхности четко подразделяется на две группы: грубая толстенная кухонная посуда, столовая посуда с гладкой лощеной поверхностью. Следует отметить, что керамика первой группы по формам горшков различная. В волыно-полесской группе зарубинецких памятников явно преобладают округлобокие формы с наибольшей расширенностью сосуда в верхней части, на Среднем и Верхнем Поднепровье ведущей формой являются сосуды с наибольшей расширенностью на середине высоты. Соответственно первые типологически связаны с сосудами поморско-подклешовой культуры, вторые — с посудой скифских лесостепных культур Среднего Поднепровья, понятно, с учетом определенной их эволюции. На зарубинецких памятниках отсутствуют формы, которые можно было бы связать с керамикой милоградской культуры. Весомым компонентом в зарубинецкой культуре яв-

ляется чернолощеная посуда второй группы. Несмотря на ее некоторую схожесть с керамикой предшествующих культур, особенно поморской, истоки этой группы посуды следует искать в латенских культурах Южной и Средней Европы. Именно эти влияния определили культурный облик ряда европейских культур рубежа нашей эры и охватили ряд культур Юго-Восточной Европы, в том числе и зарубинецкую [Филипп, 1961, с. 192; Максимов, 1972, с. 127]. Исследователями отмечается латенское влияние на производство зарубинецких фибул. Они, созданные зарубинецкими мастерами по латенским образцам, имели все же свою оригинальную форму, характерную лишь для зарубинецкой культуры [Максимов, 1972, с. 128]. Таким образом, сопоставление наиболее весомых в этнокультурном отношении элементов зарубинецкой культуры с предшествующими древностями показало, что в ней в той или иной степени присутствуют компоненты поморско-подклешовой, милоградской и скифской лесостепной культуры. Их преобладание в отдельных регионах стало фактом, в значительной мере обусловившим ее локальные различия. Рассматривая зарубинецкую культуру как единое этнокультурное образование, следует согласиться с Е. В. Максимовым, что ее нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры [Максимов, 1972, с. 128]. Попытки увязать сложение зарубинецких древностей или ее отдельных локальных регионов лишь с лесостепными культурами скифского облика (П. Ф. Либеров), милоградской культурой (Л. Д. Поболь), поморско-подклешовой (Ю. В. Кухаренко) упрощают те сложные этнокультурные, экономические, социальные и политические факторы, которые создают предпосылки для возникновения качественно новых общественных явлений, которыми являются археологические культуры вообще и зарубинецкая культура в частности.

Если рассматривать сложение зарубинецкой культуры в целом, то трудно отдать предпочтение каким-либо из факторов, обусловивших ее возникновение. Причем на рубеже III—II вв. до

н. э. носители всех этих культур, в том числе и поморско-подклевшовой, могут рассматриваться в качестве субстрата. Однако в дальнейшем наблюдается усиление тенденции развития западных и северных элементов поморского и милоградского субстрата, особенно в погребальной обрядности. Этот компонент просматривается и в облике жилищ, и в керамическом производстве. Элементы скифских лесостепных культур сохраняются лишь частично в кухонной керамике и — в еще меньшей степени — в домостроительстве.

В последующем периоде (I — начало III в. н. э.) прослеживаются две линии развития: западные элементы довольно отчетливы в зарубинецко-пшеворских памятниках волыно-подольской группы; восточные в сочетании с западными — в поздnezарубинецких памятниках Поднепровья.

Формирование этих направлений в развитии материальной культуры населения лесостепной части Юго-Восточной Европы приходится в основном на I в. н. э. Этот период характеризуется неустойчивостью, передвижением и смещением различных этнических группировок, что распатывало и приводило в упадок уже сложившиеся культурные образования и способствовало зарождению новых.

Первой под давлением гетов, даков, а возможно, и сарматов, прекращает свое существование к рубежу нашей эры культура Поенешти-Лукашевка, возникшая в Попрутьи с приходом бастарнов и смешением их с местным фракийским населением [Пачкова, 1985, с. 25].

В I в. н. э. приходит в упадок и изменяет свой облик зарубинецкая культура. Главной причиной этих изменений является перемещение соседних племен. С юга на север продвигаются сарматы. Их погребения появляются в Среднем Поднепровье на Роси и Тясмине (Калантаев, Колодистое, Емчиха, Ярошовка и др.), на Воынь с запада продвигаются племена пшеворской культуры (Подрижье, Гирка Полонка, Боратын, Лыков и др.); на левом берегу Верхнего Днестра и его левых притоков начиная с I в. н. э. известны памят-

ники липицкой культуры (Верхняя Липица, Залесцы, Черешин, Бовшев I и др.). В этих условиях одна группа зарубинецкого населения со Среднего Поднепровья отходит к северо-востоку — на Десну, другие — к югу — на Южный Буг. Размывается и полесская группа зарубинецких древностей, часть населения которой постепенно проникает в Верхнее Поднепровье.

В результате этих перемещений в I—II вв. н. э. между Днестром и Верхней Вислой создается обширная зона смешанных памятников носителей всех упомянутых культур. В последние годы удалось выделить культурный пласт II в. н. э., образовавшийся в результате интеграции зарубинецких, пшеворских и липецких элементов материальной культуры накануне возникновения двух больших культурных образований позднеримского времени — черняховской и киевской культур. Они представлены на Днестре памятниками типа Ремезовцев, где преобладают дако-гетские, липицкие элементы при наличии зарубинецкого и пшеворского компонентов, и Подберезцев с преобладанием пшеворских. На Воыни (Гирка Полонка, Боратын) и в верховьях Южного Буга (Рахны) основным является зарубинецкий компонент. Определение этнокультурных черт, свидетельствующих о непрерывном развитии материальной культуры субстратного населения и элементов, привнесенных извне, а также установление их количественного соотношения на различных памятниках I—II вв. междуречья Днестра, Днестра и Верхней Вислы является одним из важных достижений славянской археологии последних десятилетий. Процессы их смещения и синтеза представляют одну из наиболее характерных особенностей развития материальной культуры населения Лесостепи Юго-Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.

В настоящее время трудно предсказать в каком направлении пошло бы развитие этой новой группы с проявившимися чертами определенной этнокультурной общности, если бы на рубеже II и III вв. она не подверглась давлению извне еще одной группиров-

ки. Имеются ввиду носители вельбарской культуры — гото-гепиды, могильники и поселения которых появляются в указанное время на Волыни (Трипиш, Дитиничи и др.). Именно в это время, по письменным и археологическим данным, начинается их миграция из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье.

Это обстоятельство в значительной мере повлияло на дальнейшее развитие культурно-генетических процессов в Днепро-Висленском регионе, а также в Северо-Западном Причерноморье, где аналогичные процессы (с некоторыми своими особенностями) происходили в среде скифо-сарматского и гетского населения. Пришельцы со своей материальной культурой вливаются в эту среду и становятся еще одним ее компонентом. Кроме того, с их приходом изменяется политическая ситуация в Юго-Восточной Европе. Готы на определенное время становятся во главе новообразовавшихся племенных объединений в рамках черняховской культуры, состоящих из славян, скифов, сарматов и дако-гетов, ведущих «готские» («скифские») войны с Римской империей. Определяя в значительной мере политическую и военную ситуацию, готы — носители довольно примитивной вельбарской культуры — остаются мало заметными в сфере материальной культуры и в социальной сфере, особенно по сравнению с тем вкладом, который вносят в развитие черняховской культуры осевшие на землю скифо-сарматы, а также фракийское население Юга, имевшее многовековые традиционные культурные связи с античной цивилизацией. Именно последнее являлось носителем провинциально-римских влияний в черняховской культуре, особенно на юге. В лесостепной полосе важную роль в образовании и развитии черняховской культуры сыграло субстратное население, представленное памятниками, синтезирующими в различных соотношениях элементы позднезарубинецкой и пшеворской культур. Именно эта так называемая волыно-подольская группа памятников лежит в основе локальной группы черняховских древностей Днестро-Днепровского меж-

дуречья и придает им ту своеобразную этнографическую окраску, которая доживает до славянского средневековья. Это определяется сравнительным изучением памятников первой и второй четверти I тыс. н. э. на указанной территории по таким основным категориям, как жилища, погребальный обряд, домашнее керамическое производство, характер социальной структуры и др. (рис. 1—2).

В черняховской культуре Днестро-Днепровского междуречья основным типом жилищ остаются прямоугольные и подквадратные полуземлянки, характерные для позднезарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы. На черняховских поселениях заключительного этапа в Среднем и Верхнем Поднестровье появляются в жилищах печи-каменки, неизвестные в Юго-Восточной Европе в более ранний период. Наземные и углубленные большие, часто двухкамерные и трехкамерные дома не имеют прототипов на указанной территории. Они появляются тут с приходом вельбарского населения, но их немного [Тиханова, 1966; Баран, 1981, с. 53—61]. Каменные дома прибрежной полосы Северо-Западного Причерноморья связаны с традициями античной хоры. Они известны на этой территории в первых веках нашей эры на таких памятниках, как Козырка, Петуховка и др., где жило смешанное население, состоящее из греков, скифов, сарматов, фракийцев [Бураков, 1976, с. 145]. По-видимому, на таких селениях в Северном Причерноморье поселилось и пришедшее сюда готское население. Последнее не знало каменного домостроительства.

Каменное, как и глиняное многокамерное, домостроительство в Юго-Восточной Европе является тупиковым, не имеющим дальнейшего продолжения. В славянских культурах раннего средневековья продолжают бытовать лишь полуземляночные подквадратные жилища с печью-каменкой или, в редких случаях, с глиняной печью, традиции которых достигают зарубинецкой культуры. Домостроительство черняховских поселений в междуречье Днестра и Дуная наиболее близко к жилищам

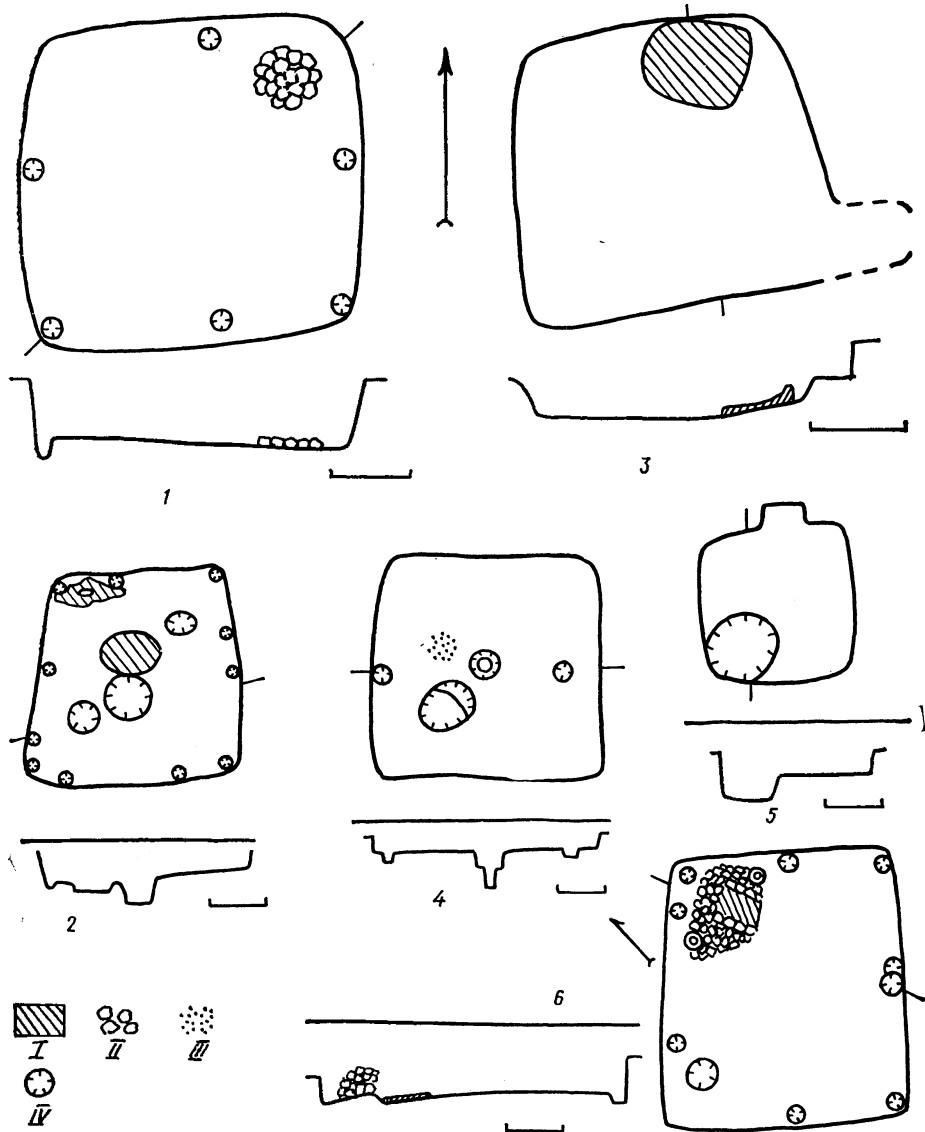

Рис. 1. Характерные типы углубленных жилищ:

1 — воляно-подольской группы (Подберезы); 2, 3 — зарубиной (Пилипенкова Гора) и поздnezарубиной культуры (Грини); 4 — киевской культуры (Киселевка 2); 5—6 — черняховской культуры (Теремцы)

поселений дако-гетских культур первой четверти I тыс. н. э. на этой территории. Лишь в IV — начале V в. в этом регионе, в том числе и на селищах культуры карпатских курганов в верховьях Прута (Гореча, Кодын II), появляются подквадратные полуземлянки, иногда с печью-каменкой, свидетельствующие о распространении днепровских домостроительных традиций.

Как и на поселениях, на могильниках черняховской культуры прослеживаются некоторые черты, свойственные населению предшествующих культур на определенной территории. Однако следует считаться с тем, что синтез материальной культуры различных этнических групп черняховского населения во второй четверти I тыс. н. э. и социальные преобразования вызвали из-

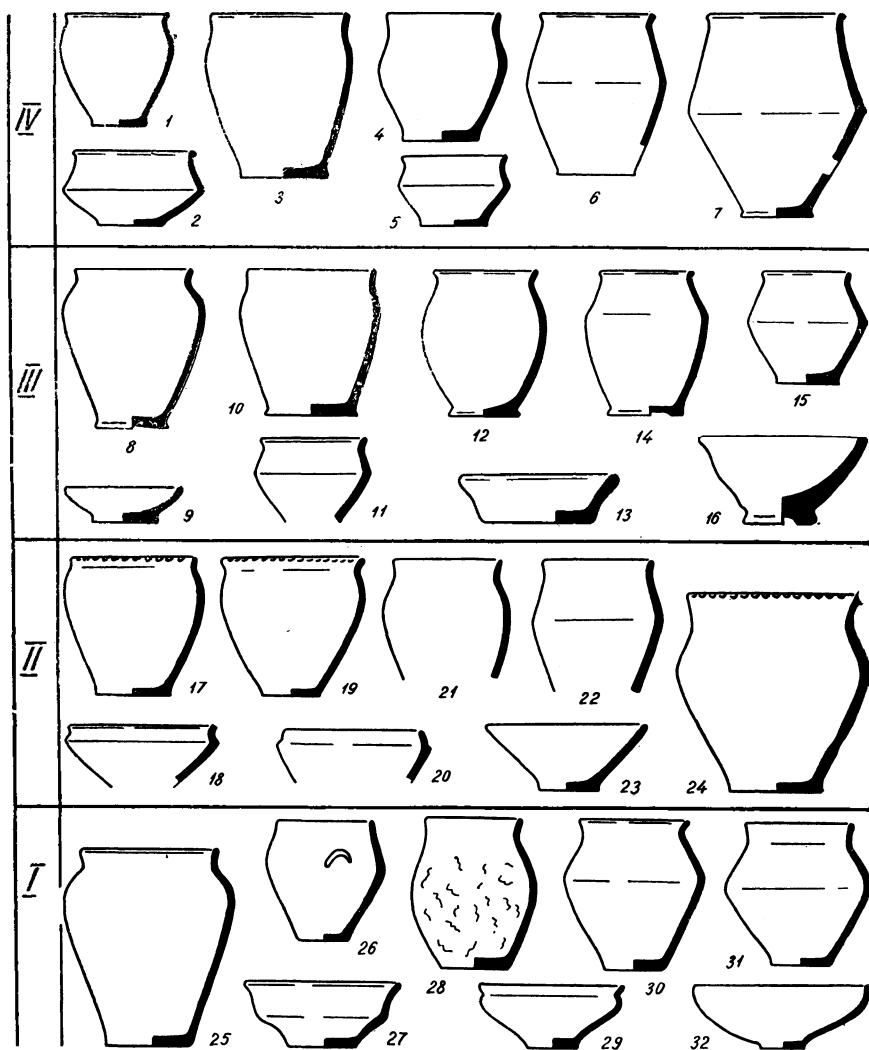

Рис. 2. Формы посуды, отражающие развитие местного производства лепной керамики в первой половине I тыс. н. э. в пограничной полосе Леса и Лесостепи:

I — посуда зарубинецкой культуры; II — посуда волыно-подольской группы и позднезарубинецкая; III — посуда черняховской культуры Верхнего и Среднего Поднестровья; IV — посуда киевской культуры; 1 — Казаровичи; 2 — Ройще; 3 — Казаровичи; 4 — Киселевка II; 5, 6 — Обухов III; 7 — Ульяновка; 8 — Бовшев II; 9, 15 — Хлопков; 10, 11 — Теремцы; 12, 16 — Черепин; 13 — Рипнев; 14 — Бовшев; 17, 19 — Пасеки-Зубрецькие; 18, 24 — Лютеж; 20 — Зубра; 21 — Сокольніки; 22 — Хоров; 23 — Подберезки; 25 — Велемичи II; 26, 27, 29, 31 — Широков; 28 — Отвержичи; 30 — Велемичи

менения в их духовной жизни. Обращаясь к погребальным обрядам зарубинецкого, пшеворского, вельбарского, фракийского и скифо-сарматского населения, занимавшего определенные регионы Юго-Восточной Европы в первой четверти I тыс. н. э., следует отметить, что четыре первые группы на нашей территории пользовались трупосожжением, а две последние — трупоположением. Единичные трупоположе-

ния, открытые И. К. Свешниковым на смешанных пшеворско-липецких могильниках в Звенигороде и Болотне Львовской обл., скорее всего, также принадлежат сарматам [Свешников, 1957; Щукин, 1973, с. 9]. Однако на территории Польши известны вельбарские погребения с трупоположениями и единичные пшеворские [Баран, 1981, с. 71—72]. На черняховских могильниках сочетаются почти все типы погре-

бений. Однако, как справедливо отмечают Э. А. Сымонович и Н. М. Кравченко, наличие соответственных черт погребальной обрядности связано, в первую очередь, с регионами, для которых она была характерна в предыдущий период. Так, фракийские черты преимущественно наблюдаются на территории Румынии и Молдавии [Федоров, 1960, с. 89—101]; зарубинецкие — в Среднем Поднепровье [Сымонович, 1959; Кравченко, 1970], иногда — в Поднестровье [Баран, 1981, с. 73]; пшеворские — в верховьях Западного Буга и Днестра; позднескифские и сарматские — в Северном Причерноморье [Магомедов, 1981, с. 8—9; Гей, 1985, с. 20].

Анализ основных черт погребального обряда показал, что при всей его консервативности он подвержен ассимилятивным процессам и изменениям. В результате интеграции определенных этнокультурных групп в черняховской культуре возникают новые формы идеологических представлений, при которых уживаются различные способы захоронения (ингумация, кремация в урнах или ямах и др.) на одних и тех же могильниках. Более того, биритуализм утверждается как постоянная форма погребального обряда.

Сравнительное изучение черняховских погребений показало, что ни один тип погребений нельзя рассматривать как простое продолжение погребальных традиций какой-нибудь одной из предшествующих культур. Такая оценка погребальной обрядности носителей черняховской культуры обязывает признать ограниченность возможностей в определении количественных показателей ее составных компонентов и ограничиться лишь констатацией их наличия. В настоящее время достоверно установлено, что носители последующих славянских культур V—VII вв. начиная с V в. никогда не хоронили своих покойников путем трупоположения, в погребальном обряде полностью утрачиваются черты, свойственные ираноязычному населению скифо-сарматов степной части Европы и остаются лишь различные типы трупосожжений, издревле преобладающие в Средней

Европе, лесной и лесостепной части Восточной Европы.

При решении вопросов преемственности культур нельзя обойти вниманием керамику. Следует отметить, что черняховская посуда разнообразна, что соответствует синкретичности самой культуры. Гончарная сероглиняная керамика, которой широко пользовалось черняховское население, ведет свое происхождение с юга. Она связана с провинциальноримским производством, с упадком которого она к началу VI в. выходит из употребления у жителей лесостепной полосы Юго-Восточной Европы. Это явление характерно не только для черняховских древностей, но и для многих культур Средней и Западной Европы. Лепная посуда представлена формами, происхождение которых связано в Днестро-Днепровском междуречье с субстратным населением вольтно-подольской группы, южнее — с гетским и скифо-сарматским субстратом, а также пришлым гото-гепидским населением, представленным в чистом виде вельбарской культурой. Эти группы и формы посуды нередко сочетаются на одних и тех же черняховских памятниках, хотя изучение количественного соотношения позволяет увязать их с определенными географическими районами, которые в общих чертах совпадают с областями распространения соответствующих субстратных культур. Как и гончарная изысканная сероглиняная посуда, все группы и типы лепной посуды, связанные с пришлыми гото-гепидскими группировками, а также позднескифским и сарматским населением, прекращают свое существование с упадком черняховской культуры. Их отголоски в виде единичных банковидных сосудов (черта сарматской лепной посуды) или с глухим ушком (черта вельбарской посуды) встречены на отдельных славянских поселениях раннего средневековья [Баран, 1983, с. 31]. Дальнейшее развитие имеют лишь те формы лепной посуды, которые связаны с территорией Лесостепи, начиная с зарубинецкой культуры. Именно они через зарубинецкие памятники и памятники вольтно-подольской группы пробиваются в

позднеаримское время, как и подквадратные жилища и определенные типы ямных и урновых сожжений, донося местные традиции до раннего средневековья (рис. 2). Этим процессам не противоречат и другие элементы материальной культуры: украшения, предметы быта и одежды, орудия труда и т. п. Однако последние, как правило, лишены узкоэтнографических особенностей. Они в большинстве имеют общеевропейский характер и в большей мере поддаются хронологическому членению, чем этнографическому, тем более в относительно ограниченном регионе.

В отличие от черняховской культуры, возникшей на многоэтнической основе и представляющей собой больше социально-экономическую и политическую общность, чем этническую, киевская культура была прямой наследницей позднезарубинецких древностей Среднего и Верхнего Поднепровья, которые на рубеже II—III вв. претерпевают значительную перестройку. Другие компоненты — пшеворский в Среднем Поднепровье и балтский на Верхнем Днестре — незначительны. Благодаря своему географическому положению киевская культура осталась вне досягаемости провинциальноаримских влияний, что положительно сказалось на сохранности ее этнокультурного типа. Это подтверждает сравнительное изучение материалов киевской культуры с предшествующими древностями. Подквадратные или прямоугольные полуземляночные жилища со срубными, иногда плетневыми, стенами и очагом продолжают традиции позднезарубинецкого населения (рис. 1). Лишь в Подесенье появляется центральный столб, назначение которого пока не вполне ясно. Однако и он, по мнению исследователей [Терпиловский, 1984, с. 11—13], существенно не менял установленного вида интерьера жилища. Этот новый элемент в домостроительстве населения Верхнего Поднепровья времени киевской культуры еще ждет своего обоснованного объяснения. Он фиксируется по наличию ямы, которая некоторыми исследователями интерпретируется как очажная.

Погребальный обряд носителей киев-

ской культуры, представленный ямными трупосожжениями, по сравнению с предыдущим периодом несколько меняется, особенно в деталях. Полностью исчезают урновые трупосожжения, значительно беднее инвентарь, в ряде случаев появляется вторично обожженная керамика (черта пшеворских памятников). Учитывая то, что многие черты погребальной обрядности населения киевской культуры прослеживаются вплоть до милоградских ямных сожжений, а также наличие некоторых отдельных элементов пшеворской культуры, следует согласиться с мнением о продолжении традиций, сложившихся в северо-западной части Верхнего Поднепровья и Волыни, хотя погребения населения, обитавшего на данной территории в предшествующее время, во многом отличаются от киевской культуры.

Не лишен определенных трудностей вопрос о происхождении керамического комплекса киевской культуры. Наиболее близкую керамику имеют позднезарубинецкие памятники типа Гриней, которая дополняется чертами, свойственными посуде позднезарубинецких групп памятников Среднего Поднепровья (Оболонь, Лютеж), а в Подесенье — памятники типа Почепы (рис. 2). Именно эти типы лешных сосудов, а также диски и сковородки определяют вид керамического комплекса киевской культуры и в своем развитии достигают раннего средневековья. Однако нельзя не отметить единичные формы, восходящие к культурам штриховой керамики, а также пшеворской, свидетельствующие о некотором участии этих компонентов в процессах сложения киевской культуры. Приведенным данным не противоречат и другие составные части киевской культуры (бытовой и производственный инвентарь, украшения), особенно процессы социально-экономического развития населения на протяжении первой и второй четверти I тыс. н. э. Последние свидетельствуют об эволюционном (хотя и не очень быстром, но поступательном) развитии населения Верхнего Поднепровья и Волыни в указанный период без каких-либо существенных потрясе-

ний, связанных с внешними вторжениями.

Таким образом, изучение взаимосвязей культур первой половины I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы и их хронологической последовательности показало, с одной стороны, непрерывное развитие этнокультурных черт субстратного населения, с другой — наличие черт, привнесенных извне ираноязычными, фракийскими, германскими, балтскими группами населения. Это явление представляет собой одну из важнейших закономерностей исторического развития Юго-Восточной Европы на рубеже и в первой половине I тыс. н. э.

В процессе сложнейших взаимоотношений местного субстратного и пришлого населения осуществлялись этнокультурные и социально-экономические процессы, которые привели к образованию новых этнических общностей, в том числе и древнеславянской.

В области материальной культуры эти процессы фиксируются количественным соотношением различных культурных компонентов в каждой конкретной археологической культуре и интенсивностью их проявления в процессе ее развития. Нередко они определяют и локальные различия памятников в рамках культуры. Зарубинецкая культура включала в себя три локальные группы: волынскую, среднеднепровскую и верхнеднепровскую. Они обусловлены преобладанием различного наследия в указанных регионах: поморско-подклешовой культуры на Волыни, скифской лесостепной — в Среднем Поднепровье и подгорцевско-милоградской — в верховьях Днепра.

Анализ материалов зарубинецкой культуры и ее составных частей показал, что ее нельзя рассматривать как продолжение какой-нибудь одной из предшествующих культур или простой суммы всех этих культур. Это образование представляет новый этап исторического развития субстратного и пришлого населения, который начался в конце III — начале II в. до н. э. и продолжался до середины I в. н. э.

Но интенсивность развития указан-

ных компонентов была различной. Наиболее устойчивыми оказались элементы, восходящие к поморско-подклешовой культуре. Они не только наиболее полно проявились в погребальной обрядности и керамике, но и получили наиболее широкое пространственное распространение. Эти элементы хорошо фиксируются в комплексах I—II вв. н. э. на поселениях волыно-подольской группы. Образование последней происходило при участии зарубинецкой и пшеворской, а на Верхнем Днестре — и липицкой культур.

Таким образом, с середины I в. н. э. одновременно с процессом угасания памятников зарубинецкой культуры в ее классическом виде на территории Волыни и Верхнего Поднепровья образуется обширная группа памятников с чертами нового культурного образования. К концу I в. н. э. памятники этой группы распространяются в Среднее Поднепровье. Некоторые их элементы прослежены на поздnezарубинецких поселениях Среднего Поднепровья и верховьев Южного Буга, однако они тут незначительны. Следует отметить, что и на памятниках Волыни также доминирует зарубинецкий компонент, имеющий поморскую подоснову. В Среднем Поднепровье, кроме того, можно отметить отдельные сарматские, позднескифские, балтские элементы.

Выделенный регион поздnezарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы обширен. На севере, в лесной зоне, его можно ограничить территорией распространения балтских культур (культура штриховой керамики, днепро-двинская и верхнеокская), на западе, в верховьях Вислы и Западного Буга, — пшеворскими памятниками, отличающимися от рассматриваемых выразительной германской «окраской». Восточная граница в настоящее время может быть приблизительно определена в верховьях Сейма и Псла, южная приблизительно совпадает с северной границей степной зоны, занятой позднескифскими и сарматскими древностями (рис. 3).

Со второй половины II в. заметны тенденции к унификации культуры в

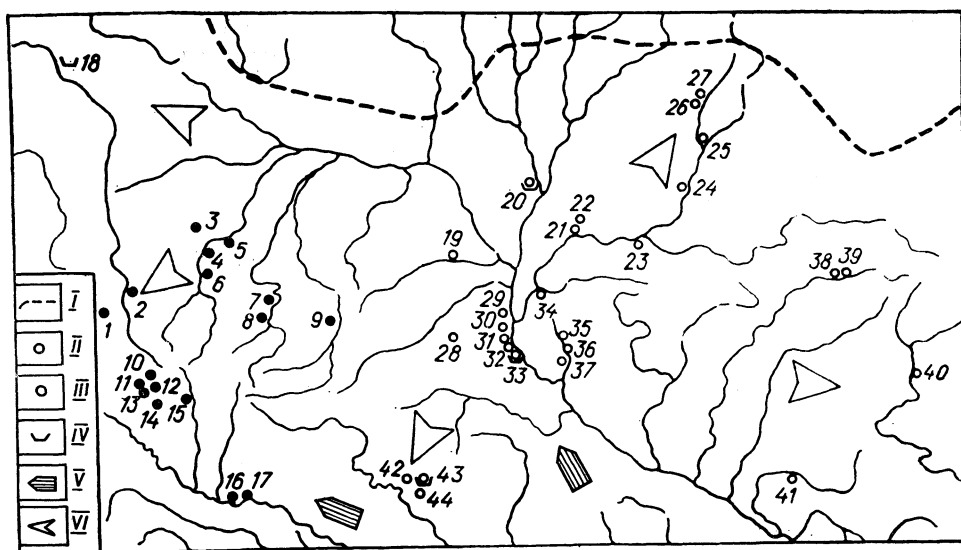

Рис. 3. Позднезарубинецкие памятники и памятники вольно-подольской группы конца I — середины II вв. н. э. (по Д. Н. Козаку и Р. В. Терпиловскому):

1 — Белз; 2 — Святизав; 3 — Пидрижье; 4 — Боратын I; 5 — Семки; 6 — Луцк-Гнидава; 7 — Бильче; 8 — Боромель; 9 — Хоров; 10 — Подберезцы; 11 — Пидбирцы; 12 — Пасеки-Зубрецькие; 13 — Зубра; 14 — Звенигород; 15 — Майдан-Гологорский; 16 — Большая Слободка II; 17 — Оселивка; 18 — Гриневичи Большие; 19 — Мартыновичи; 20 — Чаплин; 21 — Киселевка III; 22 — Змеєвка; 23 — Старая Бутовка; 24 — Чулатово; 25 — Гремляч; 26 — Синьково; 27 — Почеп; 28 — Бородилка; 29 — Лютеж; 30 — Оболонь; 31 — Новые Безрадици (уроч. Глыбока); 32 — Таценки; 33 — Девич-Гора; 34 — Бирьки; 35 — Селище; 36 — Коржи; 37 — Вовчків; 38 — Шмырево; 39 — Картамышево II; 40 — Шосейне; 41 — Осиповка; 42 — Носовцы; 43 — Рахны; 44 — Марьяновка; I — граница балтских культур лесной зоны (по В. В. Седову и др.); II — позднезарубинецкие поселения; III — поселения вольно-подольской группы; IV — позднезарубинецкие могильники; V — направление движения сарматов; VI — направление движения населения Среднего Поднепровья в I—II вв. н. э.

пределах указанной территории, что, вероятно, свидетельствует о начавшемся процессе формирования единой этнокультурной группы. На дальнейшее развитие культурно-генетических процессов в междуречье Днепра и Вислы повлияло появление готов, принесших свою вельбарскую культуру, хотя памятники, объединившие в разной степени элементы зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур, остаются наиболее весомыми компонентами новых образований: черняховской культуры в лесостепной зоне Юго-Восточной Европы, а поздне-зарубинецкие — киевской культуры. В Южном и Северном Прикарпатье возникает новая культура карпатских курганов, основой которой остается местное фракийское население.

Этот период характеризуется исчезновением внутриплеменной замкнутости, усилением контактов с Причерноморьем, где наряду с провинциальноримскими городами существовали скифо-сарматские группы, и дунайскими

провинциями. Интенсификация внутренних и внешних торговых связей привела к социально-экономическим, и культурным сдвигам на территории большей части лесостепи и степи Украины, Молдавии, а затем и на территории Румынии, где образуется черняховская культура. В определенной мере ее культурно-экономическое единство подкреплялось военно-политическим союзом, проводившим готские (скифские) войны с Римской империей.

В настоящее время в науке сложилось мнение, что в состав населения черняховской культуры входили различные этнические группы (скифо-сарматы, фракийцы, славяне и готы), которые находились в процессе интеграции. С выводом о ее многоэтничности следует согласиться, учитывая, что черняховская культура сложилась прежде всего как хозяйственно-экономическая общность. В процессе ее развития в значительной мере стираются отличия в различных регионах распростра-

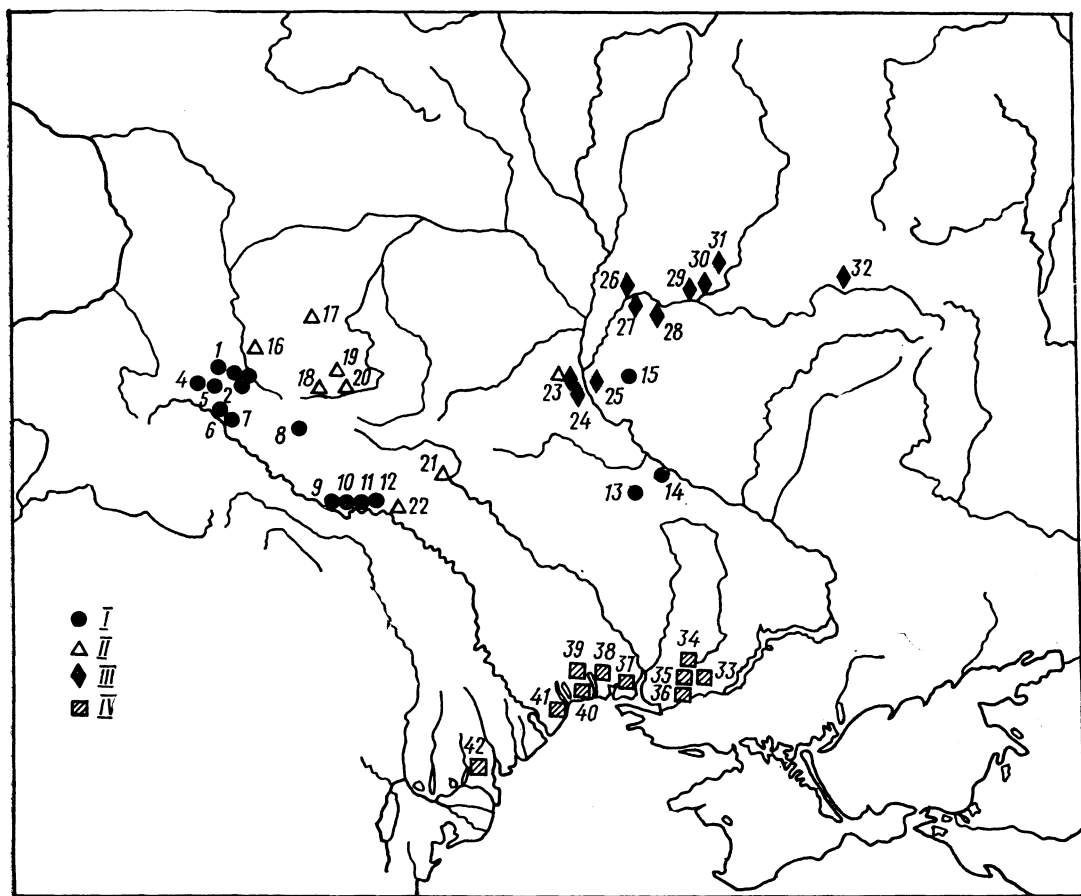

Рис. 4. Памятники III—IV вв. на территории Восточной Европы, поддающиеся этническому определению:

1 — Неслухов; 2 — Рипнев I; 3 — Ракобуты; 4 — Черепи; 5 — Чижиков; 6 — Демьянов; 7 — Бовшев; 8 — Верхний Иванов; 9 — Лука-Врублевская; 10 — Сокол; 11 — Теремцы; 12 — Бакота; 13 — Журовка; 14 — Ломоватос; 15 — Хлопков; 16 — Ромош; 17 — Боратын; 18 — Борсуки; 19 — Делесовка; 20 — Викнины Великие; 21 — Демидовка; 22 — Великая Слобода; 23 — Глеваха; 24 — Обухов II, III; 25 — Вишенки; 26 — Киселевка II; 27 — Выбли; 28 — Салтыкова Девица II; 29 — Мена V; 30 — Киреевка; 31 — Лавриков Лес; 32 — Букреевка II; 33 — Кондаково; 34 — Афанасьевка; 35 — Александровка; 36 — Дарьевка; 37 — Каменка-Анчекрак; 38 — Тилигуло-Березанка; 39 — Рапжевое; 40 — Коблево; 41 — Киселово; 42 — Фурмановка; I — черняховские; II — вельбарские; III — киевские; IV — скифские памятники

нения культуры, в том числе лесостепной и лесной, чему способствовало расселение в различные ее регионы позднескифского, сарматского и фракийского населения, имевшего многовековые контакты с античными городами и хорой Северного Причерноморья, а также Дунайским лимесом. Именно эти группы являлись проводниками достижений провинциально-римской культуры в среду населения лесостепной зоны. Однако пивелировка граней в различных уровнях технических достижений не означает полной утраты этнографических особенностей опреде-

ленных регионов на этой огромной территории, занимаемой населением черняховской культуры. Они сохранились на всем протяжении ее существования, отражая главным образом своеобразие наследия.

М. А. Тиханова сделала попытку выделить пять локальных групп черняховских памятников: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией, Вошьнь [Тиханова, 1957, с. 168—194]. Е. В. Махно полагает, что основной территорией черняховской культуры было Среднее Подне-

провье, вокруг которого размещается инфильтрационное кольцо.

В настоящее время нами на основании наиболее важных и устойчивых особенностей черняховских памятников определены три локальные группы, связанные с тремя регионами: Северо-Западным Причерноморьем, междуречьем Днестра, Прута и Дуная и лесостепной зоной Украины [Баран, 1981, с. 163—165]. Наличие локальных вариантов внутри черняховской культурной общности подтверждает ее синкретический характер и вместе с тем указывает, что этнический состав населения в разных ее регионах был различным, то есть какая-то этническая группа занимала доминирующее положение в количественном отношении. В Северо-Западном Причерноморье преобладали скифо-сарматы, в Днестро-Дунайском междуречье — гето-даки и сарматы, в лесостепной зоне Украины основное население составляли славяне (рис. 4). Кроме того, черняховское население этих регионов включало различные по численности группы готов и сарматов [Баран, 1981, с. 161—163].

Черняховская общность, в которой важную военно-политическую роль сыграли готы, распадается в результате событий, связанных со вторжением гуннов. Часть составлявших ее племен (по письменным источникам готы и сармато-аланы) покидает Юго-Восточную Европу. Оставшиеся черняховские поселения V в. с подквадратными полуземлянками с печами-каменками проявляют уже выразительные черты зарождающихся славянских раннесредневековых культур — пражской и пеньковской.

Как и все рассмотренные нами выше культуры Юго-Восточной Европы, киевская культура также представляет собой новое образование по отношению к предшествующим древностям. Накануне, а также в процессе ее сложения совершались значительные передвижения различных групп позднезарубинецкого населения, что при воздействии внешних факторов привело к преобразованию их материальной культуры [Терпиловский, 1985, с. 58—59]. Киевская культура сформировалась на

рубеже II—III вв. н. э., главным образом на основе позднезарубинецких древностей при некотором участии пшеворского, а на севере — и балтского компонентов.

Сделаны попытки выделить в ареале киевской культуры локальные варианты. Пока наиболее выразительно выделяется деснинская и среднеднепровская правобережная группы памятников, хотя в дальнейшем, возможно, выделяются и другие регионы.

Местные особенности культуры в первую очередь связаны с предшествующими древностями: на Десне — с почепской группой памятников, на Правобережье — с такими памятниками, как Таценки, Оболонь, Грини, Вовки и др. Определенное влияние на сложение тех или иных черт материальной культуры оказывали контакты с соседними этнокультурными группами. Например, в северной части Верхнего Поднепровья — с населением культуры штрихованной керамики.

Занимая Северное Поднепровье и прилегающие к нему районы, киевская культура, в отличие от черняховской, осталась за пределами зоны интенсивных провинциально-римских влияний. Все это хотя и отрицательно повлияло на социально-экономическое развитие носителей культуры, но положительно сказалось на сохранности ее этнокультурного типа. Это позволяет более четко определить ее место в этнокультурных процессах Юго-Восточной Европы в середине I тыс. н. э., чем других синхронных ей культур. Линия этнокультурных связей с более ранними позднезарубинецкими памятниками, а в последующее время — колочинскими и пеньковскими, вычерчивается выразительно.

Таким образом, в пограничной полосе Леса и Лесостепи мы проследили те основные тенденции развития материальной культуры коренного населения лесостепной части Юго-Восточной Европы, которые возникают на рубеже и в первых веках нашей эры и через волыно-подольскую группу и позднезарубинецкие памятники доходят двумя линиями до черняховской и киевской культур, а в последующем периоде находят свое продолжение в славянском

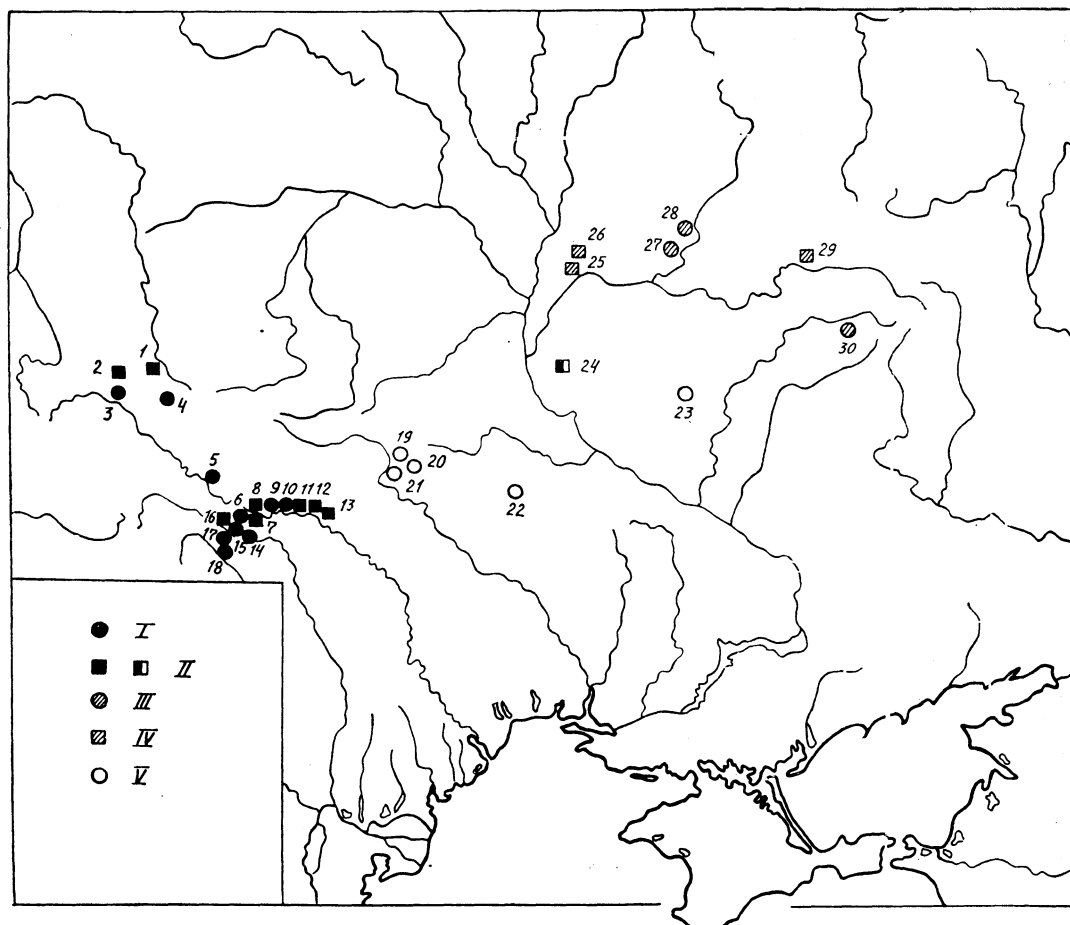

Рис. 5. Славянские памятники IV—V вв. на территории Украины:

1 — Рипнев II; 2 — Черепин; 3 — Водники; 4 — Подберезцы; 5 — Зеленый Гай; 6 — Рашков II; 7 — Рашков III; 8 — Сокол; 9 — Каветчина; 10 — Усте; 11 — Теремцы; 12 — Вакота; 13 — Бернашовка; 14 — Кодын II; 15 — Кодын I; 16 — Гореча; 17 — Рогозна; 18 — Глубока; 19 — Пархомовка; 20 — Голики; 21 — Куня; 22 — Кочубеевка; 23 — Хитцы; 24 — Хлопков; 25 — Ульяновка; 26 — Роище; 27 — Заярь; 28 — Целиков Бугор; 29 — Каменево II; 30 — Песчаное. I — пражские; II — позднеряховские; III — колочинские; IV — поздниекиевские; V — пеньковские памятники

средневековье (рис. 3—5). Кроме того, показали сложность процессов этнокультурного развития на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Почти все культуры этого огромного региона, особенно черняховская, включали в себя элементы, чуждые местному населению, свидетельствующие о присутствии тут различных групп германского, балтского, ираноязычного, фракийского населения. Последние в середине I тыс. н. э. уходят за пределы очерченного региона (готы и сармато-аланы) или ассимилируются носителями тех

черт материальной культуры, которые проявляются в славянских древностях раннего средневековья.

Баран В. Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). — К., 1981. — 262 с.

Баран В. Д. Сложение славянской средневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. — Киев, 1983. — С. 5—48.

Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры. — Киев, 1976. — 159 с.

Гей О. А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985.

Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА АН СССР.— 1970.— Вып. 121.— С. 44—61.

Магомедов В. В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.— 184 с.

Пачкова С. П. Культура Поенешти-Лукашевка // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 25.

Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА.— 1961.— № 96.— С. 53—102.

Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1-4.

Свешников И. К. Могильники липицкой культуры Волынской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 63—74.

Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры // СА.— 1959.— Т. 29/30.

Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья. III—IV вв.— Киев, 1984.— 123 с.

Терпиловский Р. В. Киевская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 58—59.

Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА.— 1957.— № 4.— С. 168—194.

Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки // VII Междунар. конгр. историков и протоисториков.— М., 1966.— С. 202—214.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. // МИА.— 1960.— № 89.— 378 с.

Филип Я. Кольская цивилизация и ее наследие.— Прага, 1964.

Щукин М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— JL, 1973.— С. 20.

О. М. Приходнюк

АНТЫ И ПЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Среди европейских племен, активно влиявших на ход исторических событий «эпохи великого переселения народов», одно из ведущих мест принадлежит антскому союзу, о котором неоднократно упоминают в своих сочинениях раннесредневековые авторы. Анты часто опустошали придунайские области империи и доходили даже до «длинных степ» — передового форпоста на подступах к столице. Византия считалась с антами как с крупной политической и военной силой раннесредневековой Европы.

Свидетельства древних авторов позволяют ставить и решать вопросы о территории расселения антов и об их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей и варварским миром. В этой связи особая роль письменных источников в освещении вопросов взаимосвязи родственных славянских племен и племенных объединений, их взаимоотношений с другими народами Европы и кочевническим миром. Древние авторы проливают свет на вопросы социального строя, хозяйственной деятельности и зарождения классового неравенства в антском обществе.

Об антах узнаем от Агафия (VI в.). Ценным является сообщение Менаандра о миссии Мезамира в ставку аварского

кагана, которое изложено в его «Истории», посвященной событиям VI в. В «Стратегиконе» — произведении, приписываемом императору Маврикию (582—602 гг.) — есть данные, отсутствующие у других авторов: о правах и обычаях, военном быте, местах обитания славян и антов. О судьбах антского союза говорится в «Истории» Феофилакта Симокатты (первая половина VII в.) и в «Хронографии» Феофана (около 760—818 гг.). При решении вопросов об исторической роли антов первостепенное значение имеют свидетельства готского историка Иордана, приведенные им в «Гетике» (551 г.), и Прокопия, писателя времен Юстиниана (527—565 гг.). В 550 г. Прокопий закончил семь книг «Истории войн», а в 554 г. — «Войну с готами».

Важность свидетельств Иордана и Прокопия определяется и тем, что они освещают не только события, современниками которых они были, но и делают неоднократные экскурсы в глубь веков. Благодаря этому получена хронологическая схема становления славян, которые вначале известны Иордану под именем «венеты»¹. Это позволяет вполне определенно связывать со славянами венетов первых веков н. э., сведения о которых имеются у Плиния Старше-